

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/65/3

С.В. Кириченко, А.М. Плеханова

СОВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА В 1920–1930-х гг.: ВОСПИТАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00630 «Плавильный тигель» социализма: интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930-е гг.).

Рассмотрены проблемы формирования социалистической культуры в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-х гг. Выявлена специфика культурной революции в национальной республике. Показан процесс ликвидации институтов традиционного общества и замены их на новые, определяющие социальный контекст повседневности человека. Сделан вывод о том, что общая советская идеология выступала в качестве мобилизационного проекта для построения нового общества и воспитания «нового человека».

Ключевые слова: неграмотность; образование; интеллигенция; литература и искусство; Бурят-Монгольская АССР.

Смысл культурной революции в СССР заключался в решении чрезвычайно сложных задач ликвидации неграмотности, создания системы народного образования, формирования кадров новой интеллигенции, подготовки условий для развития гуманитарных наук, литературы и искусства, использования научных достижений для проведения социалистических преобразований. Предшественником культурной революции стал политический и социальный переворот. В предельно сжатые сроки предполагалось создать пролетарскую культуру и воспитать «нового человека». Как известно, впервые понятие «культурной революции» было употреблено В.И. Лениным в работе «О кооперации»: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [1. С. 377].

По данным Переписи 1920 г., грамотность бурятского населения западной Бурятии составляла 17,4%, а восточной (по Переписи 1923 г.) – 14,1%. Среди всего сельского населения грамотных было в среднем 21,7%, среди бурятского сельского населения – 15,3% [2. С. 346.]. В русле государственной политики одной из решающих предпосылок коренных преобразований в обществе стала борьба за всеобщую грамотность. В 1919 г. был принят Декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», в 1920 г. были созданы Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности и курсы учителей – ликвидаторов неграмотности, в 1923 г. – Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность!» и т.д. Согласно Декрету СНК, все граждане в возрасте от 8 до 50 лет должны были выучиться грамоте на родном

или русском языке, чтобы принимать сознательное участие в политической жизни страны.

С образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР (БМАССР) перед республикой были поставлены громадные по масштабу и сложности задачи. Открывались школы для взрослых, избы-читальни, народные дома, красные юрты, школы бурятской молодежи. В отличие от школ старого типа, обучение велось на двух языках – русском и бурятском. Грамотность на старомонгольском языке не признавалась, и это обстоятельство сыграло негативную роль в последующих переписях при оценке уровня грамотности бурятского населения. 6 февраля 1929 г. СНК БМАССР принял постановление № 496 «О ликвидации неграмотности», при Наркомпросе БМАССР была создана особая комиссия по ликбезу, во всех аймаках (районах) создавались аймачные особые комиссии по ликвидации неграмотности. К этому процессу были привлечены комсомольские, профсоюзные и кооперативные организации. В результате в 1929 г. грамотность населения поднялась до 31%, а бурятского – до 25,4% [3].

Годом раньше (1928) по инициативе ВЛКСМ в стране начался Всесоюзный культпоход, проводились занятия по техминимуму и агроминимуму, был введен обязательный курс политграмоты. Политическим содержанием были наполнены буквари для взрослых «Долой неграмотность», «Наша сила – наша нива» и другие книги. Особое внимание было обращено на рост эффективности работы библиотек в связи с введением всеобщего обучения и ростом темпов ликвидации неграмотности. В 1920 г. библиотеки были объединены в единую библиотечную сеть страны. Их работа, подбор литературы контролировались из центра. К 1927 г. в г. Верхнеудинске работало 14 библиотек, во второй половине 1930-х гг. число библиотек в городе увеличилось до 32, три из них были детскими. В 1935 г. в республике было 232 избы-читальни, четыре красных чума, 21 дом соцкультуры, 16 политпро-

светбаз, 15 профсоюзных клубов [4], которым отводилась важная роль в организации внеабочьего времени.

В ходе ликвидации неграмотности использовались различные методы работы («культпоходы», «культэстафеты», «ликбезтревоги» и др.), что, безусловно, давало свои результаты. Общая грамотность населения в Бурят-Монгольской АССР в 1936 г. на селе составила 75,2%, в городе – 95,5%, в среднем по республике – 78%, грамотных мужчин было 82%, женщин – 60%; среди бурятского населения соответственно 82 и 53% [5]. Большевики пытались ликвидировать неграмотность чрезвычайными методами, преодолевая объективные и субъективные трудности. Были случаи, когда средства, выделявшиеся на ликвидацию неграмотности, не использовались или использовались не по назначению. К 1930 г. был обеспечен перевод обучения на родной язык по всем предметам в школах 1-й ступени. Задача осложнилась переходом бурятской письменности сначала на старомонгольскую, а потом на латинскую графическую основу. Необходимо было создавать и издавать весь комплекс методической и учебной литературы, переучивать «ликвидаторов», а население – заново учить писать. К трудностям относились территориальная разбросанность населения из-за кочевого и полукочевого образа жизни, нехватка кадров учителей и материальных средств. В 1938 г. бурятская письменность была переведена на русскую систему письма. Ликвидация неграмотности зачастую сопровождалась штурмовщиной, излишней политизацией. Сказывались административно-командный подход к этому сложному процессу и недостаточная подготовленность республиканского руководства к его проведению.

25 июня 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в нем были поставлены задачи введения с 1930/31 учебного года всеобщего начального обучения детей в возрасте 8–10 лет, обязательного обучения подростков 11–15 лет, не прошедших курса начальной школы, введения всеобщего обязательного семилетнего обучения в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках. Согласно постановлению Совнаркома и ЦИК БМАССР от 29 августа 1930 г., в республике в 1930/31 учебном году было введено всеобщее обязательное обучение в начальной школе, для неграмотных подростков 11 лет на селе и 11–15 лет в городах [6. С. 86]. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения Бурят-Монгольской АССР была завершена к началу Великой Отечественной войны.

В Программе, принятой РКП(б) еще в 1919 г., школе отводилась специальная роль – она должна была стать орудием «полного уничтожения деления общества на классы, орудием коммунистического перерождения общества». Большевики считали, что необходимо осуществлять «принципы единой трудовой школы с преподаванием на родном языке... свободной от... религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей *всесторонне развитых членов коммунистического общества*» [7]. Особая роль в воспитании подрастающего поколения отводилась комсомолу и

пионерской организации. К примеру, в журнале «Пионер» была опубликована статья под названием «Как работать в семье?». Сознательный пионер должен был: «Отучить от битья ребят разгневанным отцом или матерью... Вести агитацию в семье за поддержку кампании “Золотой заем”, МОПР, Доброхим... Толкать родных к выписке газет... Наконец: создать дома красный уголок» [8].

Для введения всеобщего образования требовалось не только строительство школ, но, прежде всего, подготовка учителей. В составе учительских кадров была высокая доля практиков, включая учителей с незаконченным средним образованием – выпускников школ 2-й ступени с педагогическим уклоном, составившая в 1924 г. 43,3% [9. С. 275], в 1927 г. – 33,7%. Несмотря на уменьшение доли этой категории учительских кадров, удельный вес работников с высшим и средним педагогическим образованием в их составе был невелик: в 1924 г. – 19,4%, в 1927 г. – 19,8% [10. С. 50]. Согласно постановлению бюро Бурятского обкома ВКП(б) от 20 октября 1931 г., в республике планировались «подготовка к началу 1932 г. 200 педагогов (в том числе 120 бурятской национальности) с последующим их направлением на педагогическую работу, переподготовка на летних курсах 500 учителей, выделение и закрепление не менее 200 пионервожатых с обеспечением повышения их социально-педагогической подготовки» [11. С. 150, 151].

К проведению всеобщего обучения власти БМАССР подготовились достаточно хорошо. Строительство общежитий, интернатов шло планомерно, с учетом региональных особенностей. Увеличилось количество семилетних и средних школ. При этом в области определения содержания, организационных форм и методов учебной работы процесс происходил путем проб и ошибок: отказ от ведущей роли учителя, уход от классно-урочной системы, учета и оценки знаний, предметного преподавания. В ходе антирелигиозной кампании в 1930-е гг. была уничтожена дацанская школа, которая была основой национального просвещения.

В 1920-е гг. создавались рабфаки, ускоренно готовившие к получению высшего образования почти неграмотную рабочую и крестьянскую молодежь. В национальных районах проводилась политика «коренизации» для усиления «доверия этнических меньшинств к Советской власти путем вовлечения аборигенов в активное участие в управлении». На XII съезде РКП(б) И. Сталин озвучил основы концепции «коренизации», предложив «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и межнациональной. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность Советскую власть из русской сделать межнациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик, и особенно для тех,

которые отстали в хозяйственном и культурном отношении» [12. С. 492]. В резолюции съезда была подчеркнута необходимость добиться того, чтобы: «д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обеспечивающих местное национальное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств» [Там же. С. 695–696].

В Бурят-Монгольской АССР не было ни одного высшего и среднего специального учебного заведения. Поэтому вплоть до конца 1930-х гг. здесь использовался метод выдвиженчества в качестве одного из путей ускоренного создания групп интеллигенции. Основной формой подготовки и переподготовки выдвиженцев являлась курсовая система. Различные курсы, 1–2 месячные, а затем и с более продолжительными сроками обучения, организовывались непосредственно при наркоматах и ведомствах, на предприятиях и в учреждениях, с отрывом и без отрыва от производства. Курсовая система подготовки и переподготовки кадров получила широкий размах, несмотря на низкий уровень образования и слабое знание русского языка слушателей из сельских районов. Анализ документов и материалов показывает, что в республике курсовая система была вполне оправдана, хотя уровень обучения, как образовательный, так и профессиональный, был невысок. Только в 1931 г. через нее прошли 8 289 человек, из них 50% бурят.

Кроме курсов подготовки партийно-советских кадров и работников культурпросвета создавались советско-партийные школы, перед которыми ставилась задача воспитания выходцев из среды рабочих и крестьян практических работников, владеющих марксистскими методами решения вопросов социалистического строительства. В Резолюции II съезда Советов БМАССР по докладу Наркомпроса от 15–24 марта 1925 г. отмечалась как заметное достижение организация Бурятского педагогического техникума и советско-партийной школы первой ступени [13. С. 175–177], из которых вторая была открыта в Верхнеудинске в октябре 1924 г. и имела 75 слушателей. В 1927–1928 гг. в республике работало четыре подобных школы с контингентом учащихся в 170 чел., из которых 60% составляли буряты [14].

21 января 1921 г. ЦК РКП(б) постановил организовать в Москве восточные курсы при Наркомнаце, а 10 февраля 1921 г. постановлением ВЦИК при Наркомпросе эти курсы были преобразованы в Университет трудящихся Востока. Перед новым вузом была поставлена задача подготовки национальных кадров для работы в государственных и партийных органах советских восточных республик и областей, а также подготовка революционных кадров для стран зарубежного Востока. Решение об открытии университета было подкреплено декретом ВЦИК РСФСР от

21 апреля 1921 г., который гласил: «1. Для подготовки политических работников из среды трудящихся восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств учреждается в Москве при Народном Комиссариате по делам Национальностей Университет Трудящихся Востока. 2. В целях предоставления возможности получать политическую подготовку широким массам трудящихся, не владеющим русским языком, преподавание в Университете Трудящихся Востока ведется на их родных языках. 3. В отношении всех видов довольствия студентов, сотрудников и преподавателей, а равно и оплаты труда последних, Университет Трудящихся Востока приравнивается к высшим учебно-военным заведениям» [15. С. 309]. В Университете трудящихся Востока в 1923/24 учебном году обучались представители 62 национальностей СССР и зарубежного Востока – 1 015 чел., из них выходцы из рабочих – 25%, из крестьян – 54%, из служащих – 2%; члены и кандидаты в члены ВКП(б) составляли 50% общего числа студентов, комсомольцы – 39%. За первые четыре года существования БМАССР (1924–1927) 65 представителей Бурятии, в том числе 55 бурят, окончили этот университет [16. С. 16–17].

На руководящую работу в центральный аппарат республики в 1923 г. был выдвинут 21 человек [17. С. 79]. В 1927 г. в советском аппарате республики насчитывалось 5 185 человек, из них 62% рабочих и крестьян [18. С. 83]. С октября 1928 по октябрь 1929 г. было выдвинуто 162 человека на руководящую работу: в партийный аппарат – 37 человек, в советский – 26, в профсоюзный – 24, в финансовые органы – 22, в аппарат кооперации – 20, промышленности – 12, столько же в органы правосудия и охраны общественного порядка, в культурно-просветительные учреждения – 9 человек [19]. В 1930 г. в советский центральный аппарат БМАССР было выдвинуто 108 человек, или в пять раз больше, чем в 1923 г. [17. С. 79]. В 1932/33 учебном году в БМАССР работало восемь рабфаков с 965 учащимися, 577 из них составляла бурятская молодежь.

Необходимо было резко поднять уровень народного образования для создания кадров новой интеллигенции, в том числе с помощью выдвиженчества. В 1931/32 учебном году в Верхнеудинске было два вуза – педагогический и сельскохозяйственный. Педагогический институт имел три факультета – физико-математический, химико-биологический и литературно-лингвистический – с общим числом студентов 160 человек; 200 человек на рабфаке при полных четырех курсах и 120 человек в секторе заочного обучения. Сельскохозяйственный институт имел два факультета – агрономический и зоотехнический – с числом студентов 105 человек, 40 человек на подготовительном отделении [20]. На 1 января 1937 г. в вузах и техникумах республики обучались 1 367 учащихся; в пяти рабфаках – 578 чел. [21. С. 90].

По социальному составу студенты в основном были выходцами из крестьян. Был введен классовый принцип отбора студентов в вузы – дети так называемых «бывших» лишались права получить высшее образование.

В первые годы Советской власти рабоче-крестьянской молодежи законодательно были предоставлены преимущества при поступлении в вузы. Следствием целенаправленной культурно-просветительной работы властей, пытавшихся таким путем поднять грамотность и техническую подготовку представителей народа, сформировать их политическую ориентацию, стала деятельность высших учебных заведений региона. Но обучение было идеологизированным. Имели место «чистки» преподавателей и студентов. В вузах был введен обязательный предмет – научный атеизм. Свообразным «эталоном», по которому сверялось все написанное и высказанное, стал «Краткий курс истории ВКП(б)». В 1934 г. было принято решение о возобновлении преподавания истории, отмененного после революции.

Массовые антирелигиозные мероприятия проводились региональными ячейками Всесоюзного общества безбожников. Воинствующие безбожники уделяли серьезное внимание подготовке атеистических кадров. Открывались специальные курсы для подготовки пропагандистов научного атеизма. В быт внедрялись новые обряды и нерелигиозные праздники. Новыми формами советской бытовой обрядности стали «октябрины», «красные свадьбы» и гражданские похороны. Во время празднования «октябрин» молодые родители с ребенком выходили на сцену клуба, где присутствовали не только родственники и друзья, но и представители партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. Регистратор ЗАГСа делал запись, затем шли поздравления и подарки от друзей и общественных организаций. Помогая вытеснить венчание и крестины, «красные свадьбы» и «октябрины» носили антицерковный характер. Коренные изменения условий жизни, происходившие в сжатые сроки, приводили к тому, что многие обряды, традиции, нравы и обычаи уходили в прошлое.

Пребывание в рядах компартии, комсомола и пионерии считалось несовместимым с верой. Речь фактически шла о смене мировоззрения, осуществлявшейся насильственным путем. На 23 февраля 1937 г. в Бурятии было 14 дацанов, 29 православных церквей, 20 старообрядческих молельных домов, две синагоги и одна мечеть. Государственная политика, проводившаяся в отношении представителей всех конфессий республики, определялась общими установками, направленными на борьбу с религиозным сознанием. Репрессии против духовенства и верующих шли наряду с закрытием и уничтожением культовых зданий. В Республиканской книге жертв политических репрессий зафиксировано, что в период 1929–1941 гг. были репрессированы 101 священнослужитель православной церкви, 1 701 – буддийской и 24 – старообрядческой [22. С. 159].

Одним из средств коммунистического просвещения и воспитания масс, начиная со второй половины 1920-х гг., стали литература и искусство. Новая идеология базировалась на принципе классового подхода, поэтому развитие культуры стало вопросом политики государства. В культурном наследии были тесно переплетены религиозные, светские, демократические элементы. Основные задачи в области национально-

культурного строительства были сформулированы на пленуме обкома ВКП(б) 25 августа 1925 г. В тезисах обкома по «культурно-национальному строительству Бурятии» [23. С. 137] излагались различные подходы к проблеме национальной культуры. Как и в начале века, один подход заключался в отрицании путей развития бурятской культуры, другой настаивал на обособлении от русской и европейской культуры. В тезисах критиковались эти подходы и подчеркивалась необходимость развития языка, письменности, литературы, искусства через восприятие всего передового из других культур, прежде всего из культуры русского народа, при всемерном укреплении социалистического содержания.

В реализации задач культурной революции ведущую роль сыграл Бурят-Монгольский ученый комитет (Буручком), который возглавил нарком просвещения Б. Барадин. Известные ученые Ц. Жамцарано, В. Гирченко, Г. Цыбиков стали его членами. В тесном контакте с учеными Академии наук СССР, Ленинградского и Иркутского университетов были созданы основные фонды научной библиотеки и рукописного отдела, начат сбор материалов по истории, языку, устному народному творчеству, организован перевод научной, учебной и политической литературы на бурятский язык. Троицкосавский и Верхнеудинский краеведческие музеи и созданное местное отделение Географического общества возобновили работу под эгидой Буручкома. На протяжении девяти лет, с 1924 по 1933 г., выходили журналы по вопросам истории, археологии, этнографии, экономики и географии – «Жизнь Бурятии», «Бурятиеведение», «Бурятведческий сборник», «Культура Бурятии», «Просвещение Бурятии».

Государство направляло и контролировало всю деятельность творческой интеллигенции. Привлекая на сторону советской власти немногих представителей старой интеллигенции и формируя новую культурную элиту, большевики лишили их важной социальной функции – критики власти [24. С. 132–133]. Это касалось как проблем, относившихся к политике взаимоотношений центра и регионов, так и вопросов, связанных с национальной политикой власти. В целях подавления инакомыслия в 1930-е гг. на первый план была выдвинута политика «унификации культуры». На искусство была возложена задача пропагандистского обеспечения государственного строительства и воспитания «нового человека». Большинство советских людей с готовностью воспринимали насаждавшиеся мифы, народ жил в атмосфере веры в то, что грандиозный социалистический переворот должен принести прекрасное «завтра», ради которого можно пожертвовать тяжелым «сегодня». В литературных произведениях описывался идеал «нового человека», обладавшего такими качествами, как любовь к обществу, желание участвовать в переменах, дисциплинированность и активность, эрудиция, коллективизм и т.д.

Новая национальная культура формировалась при отсутствии практического опыта, профессионально-кадрового обеспечения. При этом, несмотря на трудности финансового характера, с самого начала была значительно расширена ее материальная база. В Верх-

неудинске / Улан-Удэ были открыты театры, клубы, библиотеки, музеи. Широкое распространение получила художественная самодеятельность. В 1929 г. была создана национальная музыкально-театральная студия, в 1932 г. преобразованная в техникум искусств, а затем – в Бурятский драматический театр. Появились новые формы пропаганды искусства – митинги-концерты, театрализованные представления на улицах и площадях. Самым массовым видом искусства стал кинематограф, в Верхнеудинске был открыт кинотеатр под названием «пролеткино “Эрдэм”», работали кинопередвижки. Люди смотрели документальную хронику и фильмы, воспринимая жизнь как «великую иллюзию». Бурятский ученый комитет проводил большую работу по созданию кинопродукции, его сотрудниками были подготовлены культурфильмы «Буреспублика», «Буркавдивизион», «Сурхарбан», «Цам». Событием в жизни страны и советских людей стал первый звуковой фильм «Путевка в жизнь» режиссера Н.В. Экка, вышедший на экраны в 1931 г.

Государство поощряло занятия физкультурой и спортом: физически крепкие граждане могли стать бойцами Красной Армии, строителями заводов и фабрик, железных дорог. В 1930-е гг. была создана система сдачи норм ГТО (Готов к труду и обороне), ГСО (Готов к санитарной обороне) и «Ворошиловский стрелок». Развивался и профессиональный спорт. В республике возникали и активно действовали ячейки различных общественных организаций – Общества друзей воздушного флота (ОДВФ), Международной организации помощи борцам революции (МОПР), Общества содействия жертвам интервенции, Общества друзей химической обороны и химической промышленности (Доброхим), управления Российского общества Красного Креста (РОКК), Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим, или ОАХ) и др.

Советское общество этого периода характеризовалось огосударствлением всех сфер жизни, коллекти-

вистской концепцией общественных отношений, жесткой вертикалью власти, репрессиями, мифологизацией общественного мнения и закрытостью от внешнего мира. Это определило социально-политическое развитие страны. Внедрение плановых начал и введение целевого финансирования позволили добиться впечатляющих успехов в повышении уровня образования населения. Этот процесс начался с ликвидации безграмотности и малограмотности, а был завершен созданием современной системы образования – от начальной школы до высшей. В результате советская власть получила необходимые научные, творческие и технические кадры.

О том, что задачи культурной революции в основном выполнены, И. Сталин объявил в пленарном докладе съезду ВКП(б) в 1939 г.

Культурная революция в регионе имела специфику, хотя и осуществлялась на основе общих закономерностей, имевших место в стране. Прежде всего, Бурят-Монголия совершила переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Это создавало дополнительные трудности: впервые пришлось создавать национальную письменность и литературный язык, школу, культпросвет учреждения, художественную литературу и профессиональное искусство. По большому счету, любая власть исходит из идеи построения принципиально нового общества. Основой его должен стать новый человек, выращенный в иных институциональных условиях. Поэтому большевики уделили чрезвычайное внимание практикам формирования социума: идеологии, подчинению всей жизни политическим целям, полному контролю над системой социализации, государственной организации труда и т.д. Общая идеология выступила в качестве мобилизационного проекта для построения нового общества и нового человека. В ходе реализации этого проекта были ликвидированы институты традиционного общества и заменены на новые, советские, определяющие социальный контекст повседневности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. О кооперации // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1970. Т. 45. С. 369–377.
2. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. 543 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-195. Оп. 3. Д. 107. Л. 112.
4. ГАРБ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 62а. Л. 76.
5. ГАРБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 172. Л. 58.
6. Цыретарова Б.Б. Ликвидация неграмотности в Бурятии в 1930-х гг. (на материалах Государственного архива Республики Бурятия) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 84–89.
7. VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Москва, 18–23 марта 1919 г. : стенографический отчет. М. : Коммунист, 1919 г. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (дата обращения: 10.12.2019).
8. Кравченко А. Создание нового советского человека. URL: <https://arzas.academy/materials/1499> (дата обращения: 28.09.2019).
9. Бурят-Монгольская АССР : отчеты и очерки 1923–1924 гг. Верхнеудинск, 1925. 339 с.
10. Лукинский Ф.А. Народное образование в Сибири (1928–1941 гг.) : ист.-стат. исслед. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 220 с.
11. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981) : документы и материалы / сост. Г.Л. Санжиев и др. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1983. 537 с.
12. Двенадцатый съезд РКП(б) : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1968. 903 с.
13. Второй съезд Советов Бурят-Монгольской автономной социалистической советской республики. Верхнеудинск, 1925. 189 с.
14. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 73.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. 1198 с.
16. Соктоев И.А. Пути и методы формирования интеллигенции Бурятии // Актуальные проблемы истории интеллигенции Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1999. С. 16–17.
17. Отчет Правительства Бурят-Монгольской АССР за 1928–1930-е гг. М. : Изд. ЦИК и СНК БМАССР, 1931. 96 с.
18. Доклад Правительства Бурят-Монгольской АССР Совнаркому РСФСР. М. : Изд. ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР, 1928. 87 с.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–3; Ф. 1, Оп. 3. Д. 11. Л. 9, 11.

20. ГАРФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2138. Л. 190–192.
21. Митупов Б.М., Санжиев Г.Л. Руководство Бурятской партийной организации культурной революцией в республике (1929–1937). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. 184 с.
22. Соболева А.Н. Особенности молодежной политики в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. История. 2013. № 7. С. 156–160.
23. Бурятская областная организация КПСС : хроника : в 2 кн. Улан-Удэ, 1987. Кн. 1. 756 с.
24. Голанд Ю. Политика и экономика (очерки общественной борьбы 20-х годов) // Знамя. 1990. № 3. С. 132–133.

Svetlana V. Kirichenko, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: l-a-n-a@mail.ru

Anna M. Plehanova, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: plehanova.am@mail.ru

SOVIET IDEOLOGY AND CULTURE IN THE 1920s AND 1930s: UPBRINGING A «NEW MAN»

Key words: illiteracy, education, intellectuals, literature and art, Buryat-Mongolian ASSR

The article considers the period of 1920-1930s as the time of building the Soviet society and the state, which took place under the influence of ideological foundations on the political, economic and social life of the country on the example of Buryat-Mongolian ASSR. The main attention paid to the analysis of education as one of the important means of statehood formation, which initiates the process of personality's spiritual development. The research source base consists of the materials of central and regional archives. Among them legislative and normative acts in the sphere of culture, art, enlightenment and education of the USSR and BMASSR; official documents and materials reflecting the activity of ministries, departments and structures of the All-Union Communist Party of Bolsheviks; analytical materials on the problems of ideological foundations of education in the 1920-1930s, as well as the works of representatives of the authorities and reminiscences of contemporaries.

On the basis of archival materials, it is shown how extremely difficult tasks were solved: elimination of illiteracy, creation of the system of public education, formation of new intelligentsia staff, creation of conditions for development of humanities, literature and art, use of scientific achievements for socialist transformations. In order to analyze the conditions in which these processes took place, a set of scientific methods - general scientific (theoretical analysis and conceptualization) and special (historical and comparative, structural and functional, retrospective and historical and cultural methods) – was involved. The authors have identified the specifics of the cultural revolution of the national region, carried out on the basis of common patterns that took place in the country. First of all, Buryat-Mongolia has made a transition to socialism, bypassing the capitalist stage of development, which created additional difficulties – here for the first time were created national script and literary language, school, cultural institutions, literature and professional art. Territorial dispersion of the population due to nomadic and semi-nomadic ways of life, the presence of several socio-economic patterns were among the difficulties of a specific nature. In the course of the anti-religious campaign in the 1930s, the Datsan school, which was the basis of national education, was destroyed. The article traces the process of liquidation of traditional society institutions and their replacement with new ones, which determine the social context of a person's everyday life. It revealed that the general Soviet ideology in the national region served as a mobilization project for building a new society and growing a “new” person.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 369–377.
2. Rumyantsev, G.N. et al. (1959) *Istoriya Buryat-Mongol'skoy ASSR* [History of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Vol. 2. Ulan-Ude: [s.n.].
3. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-195. List 3. File 107. pp. 112.
4. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 475. List 2. File 62a. pp. 76.
5. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-60. List 3. File 172. pp. 58.
6. Tsyretarova, B.B. (2018) The eradication of illiteracy in Buryatia in the 1930s (on the materials of the State archive of the Republic of Buryatia). *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Oykumena. Regional Researches*. 2. pp. 84–89. (In Russian).
7. The Russian Communist Party (Bolsheviks). (1919) *VIII s"ezd Rossiyskoy Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov)*. Moskva, 18–23 marta 1919 g. *Stenograficheskiy otchet* [The Eighth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). Moscow, March 18–23, 1919. Shorthand report]. Moscow: Kommunist. [Online] Available from: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (Accessed: 10th December 2019).
8. Kravchenko, A. (n.d.) *Sozdanie novogo sovetskogo cheloveka* [Creating a new Soviet man]. [Online] Available from: <https://arzas.academy/materials/1499> (Accessed: 28th September 2019).
9. The State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR. (1925) *Buryat-Mongol'skaya ASSR. Otchety i ocherki 1923–1924 gg.* [Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic. Reports and essays 1923–1924]. Verkhneudinsk: Izdanie Gosplana B.-M. ASSR.
10. Lukinsky, F.A. (1982) *Narodnoe obrazovanie v Sibiri (1928–1941 gg.)* [Public education in Siberia (1928–1941)]. Novosibirsk: Nauka.
11. Sanzhiev, G.L. et al. (1983) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Buryatskoy ASSR (1917–1981): Dokumenty i materialy* [Cultural construction in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic (1917–1981): Documents and materials]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
12. The Russian Communist Party (Bolsheviks). (1968) *Dvenadsyatyy s"ezd RKP(b). Stenograficheskiy otchet* [The Twelfth Congress of the RCP (B.). Verbatim report]. Moscow: Politizdat.
13. The Soviets of the Buryat-Mongol Autonomous Socialist Soviet Republic. (1925) *Vtoroy s"ezd Sovetov Buryat-Mongol'skoy avtonomnoy sotsialisticheskoy sovetskoy respubliky* [The Second Congress of Soviets of the Buryat-Mongol Autonomous Socialist Soviet Republic]. Verkhneudinsk: Upravlenie delami TsIK i SNK Burrespubliki.
14. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 1. List 1. File 107. p. 73.
15. The Sovnarkom of the USSR. (1944) *Sobranie uzakoneniyy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1921 g.* [Collected Legalizations and Government Orders for 1921]. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR.
16. Soktoev, I.A. (1999) Puti i metody formirovaniya intelligentsii Buryatii [Ways and methods of forming the Buryat intelligentsia]. In: Soktoev, I.A. et al. *Aktual'nye problemy istorii intelligentsii Buryatii* [Topical problems of the Buryat intelligentsia history]. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 16–17.
17. The Government of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. (1931) *Otchet Pravitel'stva Buryat-Mongol'skoy ASSR za 1928–1930-e gg.* [Report of the Government of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic for the 1928–1930s]. Moscow: TsIK i SNK Buryat-Mongol'skoy ASSR.
18. The Government of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. (1928) *Doklad Pravitel'stva Buryat-Mongol'skoy ASSR Sovnarkomu RSFSR* [Report of the Government of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic to the Sovnarkom of the RSFSR]. Moscow: TsIK i SNK Buryat-Mongol'skoy ASSR.

19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P-2. List 1. File 42. pp. 1-3; Fund 1. List 3. File 11. pp. 9, 11.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1. List 1. File 2138. pp. 190–192.
21. Mitupov, B.M. & Sanzhiev, G.L. (1962) *Rukovodstvo Buryatskoy partynoy organizatsii kul'turnoy revolyutsiei v respublike (1929–1937)* [The leadership of the Buryat party organization by the cultural revolution in the republic (1929–1937)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo.
22. Soboleva, A.N. (2013) Osobennosti molodezhnoy politiki v Buryat-Mongol'skoy ASSR v 1920–1930-kh gg. [The youth policy in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 7. pp. 156–160.
23. Tarmakhanov, E.E. et al. (1987) *Buryatskaya oblastnaya organizatsiya KPSS. Khronika* [Buryat Regional CPSU Organization. Chronicles]. Vol. 1. Ulan-Ude: [s.n.].
24. Goland, Yu. (1990) *Politika i ekonomika (oчерki obshchestvennoy bor'by 20-kh godov)* [Politics and economics (essays on the social struggle of the 1920s)]. *Znaniya*. 3. pp. 132–133.